

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖѢ И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 25 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 30

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916
21 ЮЛЯ

ГНИЛОЙ ТЫЛЪ.

Рис. Ре-ми.

- Поднимаются...
- Какія, какія бумаги поднимаются?!!
- Не бумаги, а наши войска опять на Карпаты поднимаются.
- А, знаете: — мы тоже отъ этого что нибудь будемъ имѣть!

БРИЛЛАНТОВЫЙ КОРОЛЬ.

— И представь себѣ: онъ настолько богатъ, что когда я ему предложила посидѣть со мной тетъ-а-тетъ, онъ сказалъ, что можетъ позволить себѣ посидѣть со мной даже фаберже-а-фаберже.

ВНИЗЪ ПО ВОЛГѢ...*)

Путевыя замѣтки Арк. Аверченко.

(Продолженіе.)

Пассажиры...

Когда пассажиры пересаживаются въ Нижнемъ съ мелкихъ посудинъ, плавающихъ по верхнему плесу, на болѣе крупныя посудины, плывущія внизъ, до Астрахани — эти пассажиры въ моментъ посадки представляютъ собой безформенную аморфную массу. Если и попадаются кристаллы въ этой массѣ, то они ломки, непрочны, случайны. Дѣйствительно: проченъ ли такой, напримѣръ, кристаллъ, какъ мужъ и жена, двѣ подруги, тетка и племянница, земскій начальникъ и сговорившійся ѣхать съ ними вмѣстѣ пріятель — податной инспекторъ?..

Нагрузившись на пароходъ, эта безформенная сумбурная масса начинаетъ понемногу отстаиваться, осѣдаться, отбрасывать отъ себя отдѣльные стройные кристаллы: племянница сидитъ на кормѣ съ податнымъ инспекторомъ, тетка ея уже познакомилась съ «мужемъ», и они о чемъ-то горячо совѣтуются, взобравшись на нагрѣтую солнцемъ крышу парохода, одна изъ «подругъ» закатываетъ глаза и тихо смѣется въ бесѣдѣ съ помощникомъ капитана, — и только нѣкоторые элементы находятся еще въ состояніи броженія... Дѣйствительно, земскій начальникъ бродитъ отъ носа къ кормѣ, насупившись, и «жена» оболыщенного «теткой» «мужа» бродитъ насупившись...

И оба они бродятъ до тѣхъ поръ, пока взгляды ихъ при крутомъ поворотѣ не скрещиваются, послѣ чего они начинаютъ тихо, медленно осѣдаться... Броженіе кончилось... Кристаллизациія идетъ быстро.

— Скажите, — спрашиваетъ, по возможности привѣтливо, земскій начальникъ, пріостанавливаясь около «жены», — это, вотъ, что такое — Жигули?

И широкимъ жестомъ руки онъ указываетъ на плоскій унылый берегъ, тихо дремлющій вдали.

«Жена» пріостанавливается тоже и, опершись о бортъ, съ вѣжливымъ вниманіемъ вглядывается въ берегъ.

— Вы думаете, что это Жигули? — спрашиваетъ она, окидывая однимъ взглядомъ земскаго начальника отъ черной бородки до коричневыхъ щегольскихъ ботинокъ.

— Да, я полагаю — Жигули, — подтверждаетъ земскій

начальникъ, описывая глазами волнистую линію отъ прически «жены» — внизъ по груди, животу, колѣнамъ и до кончика ноги въ маленькой бархатной туфелькѣ.

— А мнѣ кажется, что это не Жигули, — возражаетъ «жена», внимательно оглядывая руку земскаго начальника.

— Интересно, почему это вамъ кажется? — мямлитъ земскій начальникъ, прочно установивъ свой взглядъ на ножкахъ «жены», открытыхъ модной юбкой выше, чѣмъ хотѣлъ бы мужъ, и ниже, какъ того хотѣлось бы земскому начальнику.

— Что, это не Жигули? — переспрашиваетъ дама.

— Да.

— Да, вѣдь, Жигули — горы?

— Горы.

— А это плоское мѣсто.

— Вѣрно. Плоское, — съ готовностью соглашается земскій начальникъ.

— Такъ откуда же вы взяли, что это Жигули?

— Совершенно вѣрно. Вы, я вижу, очень хорошо знаете Волгу. Вѣроятно, не первый разъ ѣздите?

— Третій. Я такъ люблю Волгу... А вашъ пріятель, — замѣчаетъ «жена», быстро переходя на очередныя темы, — совсѣмъ углубился въ разговоръ съ «племянницей». Ухаживаніе идетъ во всю...

— А откуда вы знаете, что онъ мой пріятель?

— Ну, какъ же. Когда вы проходили мимо, онъ назвалъ васъ Володей.

Земскій начальникъ въ свою очередь бросаетъ быстрый, какъ молнія, взглядъ на бѣлую ручку дамы, замѣчаетъ на одномъ изъ пальцевъ тусклое золотое мерцаніе и, успокоенный, начинаетъ быстро шагать по пути кристаллизациіи.

— Какъ? Какъ вы сказали? Повторите...

— Володей онъ васъ назвалъ. А что?

— Ахъ, если бы вы знали, какъ вы это очаровательно выговариваете: «Володя». У васъ губки вздрагиваютъ такъ трогательно.

«Жена» весело смѣется:

— Трогательно? Что вы хотите этимъ сказать?

— А вашъ мужъ тоже съ вами ѣдетъ? — перескакиваетъ на насущный вопросъ дѣловой земскій начальникъ.

*) См. №№ 28 и 29.

— Да. А что?
— Онъ васъ любить? Я васъ къ нему уже немножко ревную, можете представить?
— Вотъ тебѣ разъ, — заливается «жена» веселымъ смѣхомъ. — А вотъ я васъ ни къ кому не ревную.

Собственно, ей бы слѣдовало сказать другое... ей бы слѣдовало оборвать предприимчиваго земскаго, заявить ему, что ихъ краткое знакомство не даетъ ему права касаться такихъ вопросовъ; въ лучшемъ случаѣ, она могла бы повернуться и уйти отъ земскаго.

Она этого не дѣлаетъ; всѣ его вопросы она разсматриваетъ, какъ шутку, отвѣчаетъ ему такими же шутками; она не принимаетъ во вниманіе одного: граница между шуткой и серьезнымъ въ этихъ вопросахъ такъ тонка, такъ незамѣтна, что можетъ стереться въ любую минуту.

— Ну, я пойду, — говоритъ «жена», отрываясь отъ борта. — Нужно поить мужа чаемъ.

— Да куда вы, ей Богу, — хнычетъ земскій, удерживая долбе, чѣмъ нужно, протянутую ему ручку. — Успѣте вашъ мужъ напиться чаю. Что ему нянька нужна, что ли? Пусть самъ пьетъ.

Звонко-презвонко смѣется «жена».

— Да вы и въ самомъ дѣлѣ ревнивыи. Васъ полюбить, я думаю, опасно, а? Пустите мою руку.

— Скажите: Володя — пуцу.

Звонко-презвонко смѣется «жена».

— Ну, Володя, милый, ну пустите.

— Боже, до чего очаровательно вздрагиваютъ ваши губки. Будь я на мѣстѣ вашего мужа...

— Тсс! Вотъ онъ уже меня ищетъ.

— Вечеромъ придете сюда?

— Приду, постараюсь, буду... ей Богу, онъ уже меня ищетъ...

— Боже, до чего вы обаятельны. Будь я на мѣстѣ вашего мужа...

Пожалуй, что и будетъ.

* * *

А мужъ въ это время, забравшись съ «теткой» на самую крышу парохода, бубнить тупо и однообразно, какъ пила на лѣсопильномъ заводѣ:

— А ваше лицо мнѣ знакомо.

— Я думаю, вы меня съ кѣмъ-нибудь путаете, — кокетливо возражаетъ «тетка».

— Нѣтъ. ей Богу, у васъ знакомое лицо. Знакомое-презнакомое.

— Вы въ Тифлисѣ не были?

— Не былъ. А вы въ Кіевѣ не были?

— Не была.

— Это прямо таки удивительно. У васъ лицо прямо до смѣшного знакомое.

— Можетъ быть, вы когда-нибудь любили женщину, похожую на меня.. — лукаво спрашиваетъ «тетка».

Застрявшій на «знакомомъ лицѣ», «мужъ» чрезвычайно радуется новой нити, ловитъ ее и бодро тянетъ дальше:

— Совершенно вѣрно. У той женщины, которую я любилъ, было такое же лицо.

— Это ваша жена? — доносится до «мужа» чисто женскій вопросъ.

— О, нѣтъ! Жена, что... Жена другое. Да... я очень любилъ эту женщину.

— И я очень на нее похожа?

— Очень. Вотъ прямо: двѣ капли воды.

— Смотрите, не спутайте.

Какъ ни глупъ мужъ, а и онъ дѣлается находчивымъ.

— А я возьму да спутаю.

— Что вы, — ужасается «тетка». — А что скажетъ ваша жена?

Бѣдная неразумная «тетка»... Будто этотъ вопросъ — единственная пропасть, отдѣляющая ее отъ «мужа».

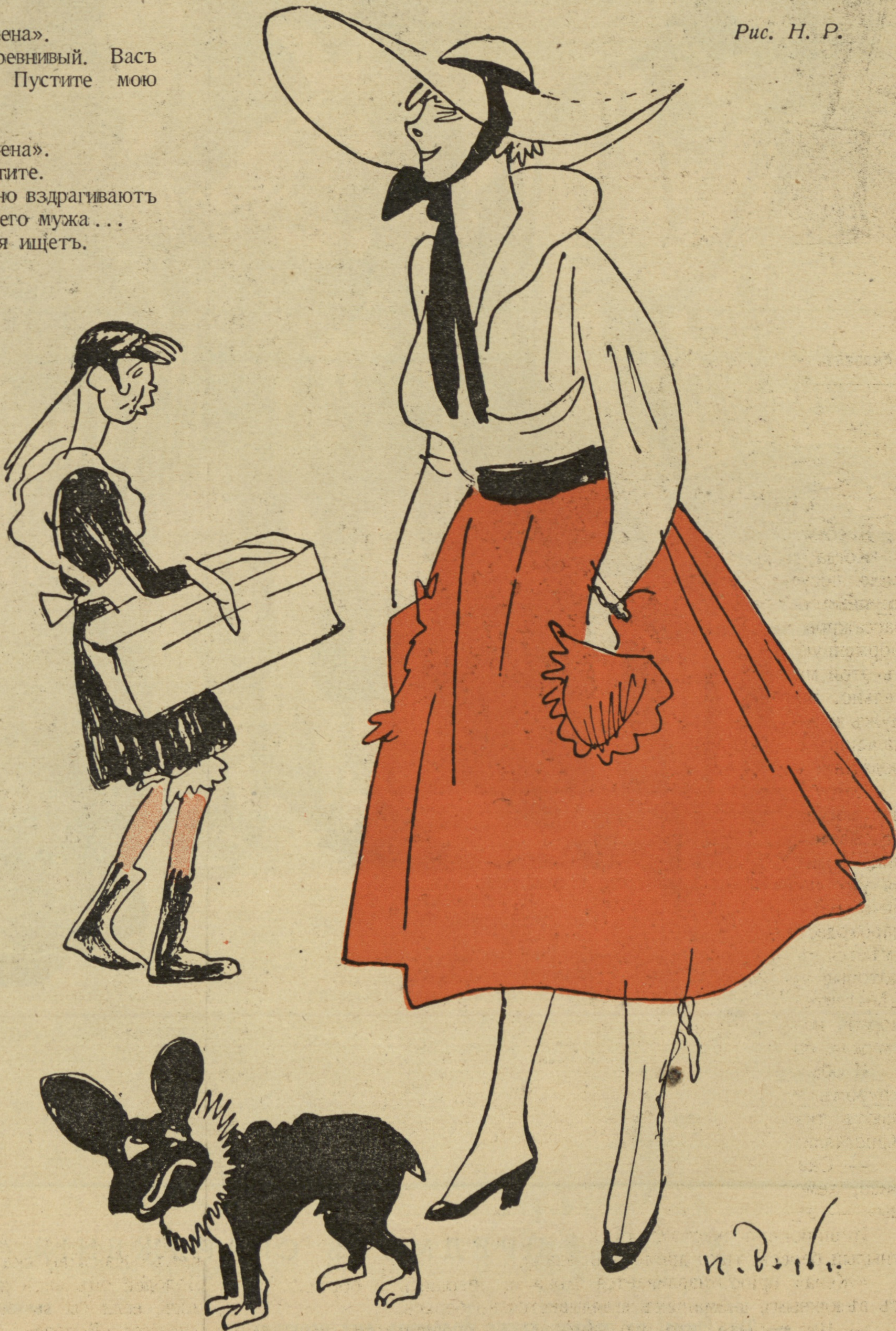
— Слушайте, — говоритъ мужъ, наклоня къ пышной «теткѣ» алчное лицо. — Слушайте, милая... (имени даже не спроситъ, негодяй!) Приходите сегодня вечеромъ сюда наверхъ. А? Придете?

— А зачѣмъ? — напряженно удивляется «тетка».

— Будемъ Жигули смотрѣть.

— Что вы! Да Жигули еще когда будутъ! Это вѣдь около Самары.

Рис. Н. Р.

ШИВОРОТЪ - НА - ВЫВОРОТЪ.

Дама: — Вотъ дрянъ-дѣвчонка! Она воображаетъ себя настолько взрослой, что надѣла короткое платье!..

ВЪ АВСТРІИ.

Рис. Ре-ми.

ПРЕДМЕТЪ СНАРЯЖЕНІЯ.

— Ты, Эмма, не забудь также положить ему игрушку...

„Въ Австріи призваны на военную службу семнадцатилѣтніе...“ (Изъ газетъ.)

— Серьезно? Вы, значить, хорошо знаете Волгу?

— Отлично.

— Ну, так приходите вечером. Вы мнѣ расскажете кой-что о Волгѣ.

На такую комбинацію «тетка» идетъ.

* * *

Подруга, разговаривавшая съ помощникомъ капитана, подходитъ къ подругѣ, сидящей съ молодымъ инженеромъ.

— Муся, что для тебя заказать на ужинъ?

— Ничего. Я буду ужинать съ Сергѣй Николаичемъ. Ахъ, вы не знакомы? Это моя подруга, Марья Петровна — Сергѣй Николаичъ Пятипаловъ.

— Шестипаловъ, — расшаркивается инженеръ. — Можетъ, и вы съ нами поужинаете?

— Нѣтъ, я обѣщала Василь Васильичу наверхъ придти.

— Какой это Василь Васильичъ?

— А какъ же! Помощникъ капитана.

«Подруга» отходитъ отъ «подруги». Ей нужно спѣшить. А когда собирались ѣхать вмѣстѣ — мечтали «ни на минуточку не разставаться».

Великое дѣло въ природѣ — кристаллизація.

* * *

Читатель, можетъ быть, удивится, узнавъ, что на другой день вечеромъ земскій начальникъ, сидя у окна каюты «мужа», поцѣловаль «жену».

Жена возмутилась. Но совсѣмъ не потому, что онъ ее поцѣловаль. А просто:

— Мы сидимъ подъ самымъ окномъ каюты мужа, а вы вдругъ цѣлуете!

Дѣйствительно — скандалъ. Спасло ихъ только то обстоятельство, что мужъ въ это время сидѣлъ съ пышной теткой наверху, на кормѣ парохода и оправдывался:

— Увѣряю васъ, что если бы у васъ не такое знакомое лицо, я бы васъ не поцѣловаль.

— А я на васъ, все-таки, сердита.

— За что, Господи!

— Тамъ, въ капитанской будкѣ, люди, а вы здѣсь ни съ того, ни съ сего, цѣлуетесь.

— Они не видятъ. Они всѣ близорукіе, ей Богу. Я знаю.

— Неужели, близорукіе? — пугается тетка, игнорируя дальнѣйшіе разговоры о поцѣлуѣ. — А вдругъ они набѣдутъ на берегъ?

— И очень просто. Но я васъ спасу. Возьму такъ вотъ за талию, и...

Едва ли такимъ образомъ можно спасти «тетку». Скорѣй погубить можно «тетку».

* * *

Со стороны кажется невѣроятнымъ, чтобы люди, къ которымъ на сушѣ нельзя даже подступиться — на водѣ вдругъ такъ мѣнялись, размякали, черезъ двадцать словъ послѣ знакомства уже бросали другъ на друга нѣжные взгляды, а на другой день уже цѣловались.

Ахъ, это такъ понятно... Рейсъ парохода продолжается всего на-всего четыре дня. Всѣ сроки сокращаются, всѣ ступени подъ поспѣшными шагами стираются, всѣ шаблоны, принятые на сушѣ, отмѣняются.

Со всѣхъ концовъ необъятной Россіи стянулись сюда чуждые другъ другу люди и черезъ нѣсколько дней снова расплзутся эти люди во всѣ концы необъятной Россіи. Больше они не встрѣтятся другъ съ другомъ.

Никогда...

Сухое, стучащее, какъ ножъ гильотины, слово.

Для всей пароходной жизни вступленіе на пароходъ — рожденіе, уходъ съ него — смерть. Такъ неужели же отъ рожденія до смерти у человѣка не можетъ быть двухъ-трехъ увлеченій, одной сильной любви и одной душевной драмы? Раздѣлите сорокъ лѣтъ осмысленной человѣческой жизни на четыре дня пароходнаго рейса — что получится? Десять лѣтъ проживаетъ человѣкъ въ одинъ день.

Такъ удивительно ли, что къ концу второго вечера «тетка» отбила у «подруги» молодого инженера, а «мужъ» влюбился страстно, безумно въ другую «подругу» къ великому огорченію и страданію помощника капитана Василь Васильича.

Жизнь не ждетъ.

* * *

Однажды я обратился къ капитану «Самолетскаго» па-

рохода, милому жизнерадостному скептику, проплававшему на разныхъ посудинахъ больше четверти вѣка:

— Странная вещь, Дмитрій Дмитричъ...

— Что, голубчикъ, — усмѣхнулся онъ одними щелками умныхъ татарскихъ глазъ.

— Такой большой пароходъ, столько ѣдетъ пассажировъ и почти совершенно нѣтъ дѣтей.

Умные татарскіе глазки совсѣмъ сощурились. Онъ посмотрѣлъ на далекіе Жигули (теперь это, дѣйствительно, были Жигули) и сказалъ только одно слово:

— Будутъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Арк. Аверченко.

АНГЛИЧАНИНЪ.

Дышитъ горячими смолами сосновый лѣсъ.

Мы на теннисъ тренируемся вдвоемъ

Онъ проситъ меня все о томъ же и умоляетъ отвѣтить «Jes».

Я бросаю ракетку и ухожу въ домъ.

Потомъ — темнѣетъ ясность небесъ.

Мнѣ страшно въ лѣсу, когда темно,

И я говорю: «Ну, хорошо, теперь — «Jes»,

А онъ отвѣчаетъ: «O, miss, теперь — по».

Лидія Лѣсная.

ЗАПИСКИ ТЕАТРАЛЬНОЙ КРЫСЫ.

„Вечернее Время“ вводитъ въ театральномъ отдѣлѣ стиль южно-американскихъ газетъ для выселяемыхъ эмигрантовъ.

Объ артистахъ Зоологическаго сада газета пишетъ такъ:

„Г. Александровскій простоналъ какой-то романсъ...“

„Г-жа Наровская прокудахтала пошлѣйшую шансонетку“.

Подпись (кажется) — Гамаюнъ. Гамаюнъ — птица вѣщая. Въ „Вечернемъ Времени“ это — просто глупая птица.

Нельзя такъ писать:

— Парень съ глупой мордой, прооравши арію въ первомъ дѣйствіи — скотина. Такого типа нужно бить топоромъ между лопатокъ. Не менѣе гадкое впечатлѣніе производитъ и та раскрашенная баба, которая своимъ свинячьимъ визгомъ вмѣшалась въ дуэтъ. Вырвать бы ей лѣвую ногу — вотъ и не вмѣшалась бы. Что это дирекція смотритъ?

Для человѣка, который забываетъ, что онъ пишетъ для періодическаго изданія, а не для сосѣдняго забора, необходимо хотя бы небольшой редакторъ съ большимъ карандашомъ.

* * *

Для театровъ-миниатюръ понадобились оперетты и обязательно въ одномъ дѣйствіи. Такъ какъ новыхъ такихъ опереттъ нѣтъ, стали передѣлывать старыя, втискивая въ одинъ актъ цѣлыхъ три, если не четыре. Если раньше опереточная послѣдовательность могла убить быка своей неожиданностью, то теперь въ одноактныхъ передѣлкахъ она нарушитъ душевное равновѣсіе у цѣлаго стада.

Такъ въ „Гейшѣ“, на примѣръ, гдѣ для выхода каждаго героя требуется соответствующая часть сутокъ, ночи такъ быстро мѣняются днями, что вся сцена кажется свѣтовой вспышкой въ рекламой фирмы резиновой мануфактуры.

— Я приду къ тебѣ въ полночь, — поетъ герой одноактной оперетты и садится на стулъ, освѣщенный жаркимъ солнцемъ.

— Она ужъ наступила, — подчиняясь законному сроку одноактности, освѣдомляетъ его Циглія и садится на другой стулъ, освѣщенный честно работающей луной.

А въ серединѣ сцены мутно поетъ въ полумракѣ хоръ:

— Утро, утро наступаетъ, птички, птички запѣваютъ...

Есть только одно утѣшеніе: когда потребуется передѣлка историческихъ драмъ въ одноактные водевили — будетъ еще хуже.

Т. К.

Рис. Миссъ.

ДЕТАЛЬ, О КОТОРОЙ МОЖНО ЗАБЫТЬ.

— Ахъ, на этихъ дѣтей тратишь все свое время... У меня ихъ всего двое, но они отнимаютъ столько времени, что некогда даже замужъ выйти.

КАРАПЕТЪ.

Снялъ сарайчикъ близъ купалень,
Сбилъ кровать,
Сталъ игривъ и безпечалень
Поживать.
Обитый крѣпче русской печки,
Въ 20 лѣтъ, —
Цѣлый день торчитъ на рѣчкѣ
Карапеть,
Потому что, потому что
«Любить быть».
А ужъ жгучь-то, а горючь-то!
Мелинить!
Тутъ на «Стрѣльнѣ» взоромъ страстнымъ
Только кинь, —
Тьма бальзаковскихъ прекрасныхъ
Героинь.
И накормятъ, и напоятъ, —
Благодать.
А «вздыханья» много ль стоятъ
Такъ сказать?
Счету, счету нѣтъ «побѣдамъ»,
Говорятъ.
Гдѣ займомъ, а гдѣ обѣдомъ
Угостятъ.
Карапетка все находитъ,
Юнь, румянь...
Карапетка происходитъ
Изъ армянъ.

Евгеній Вѣнскій.

У ТЕЛЕФОНА.

(Стихотвореніе въ прозѣ.)

Плотно прижата къ уху телефонная трубка. Мой указательный палецъ точно приросъ къ кнопкѣ на группу А. Въ голосѣ моемъ безысходная тоска.
— Барышня! Барышня!..
Но отвѣта нѣтъ

Фантазія моя работаетъ во всю. Я рисую себѣ такую картину:

Къ телефонной барышнѣ пришелъ знакомый — приказчикъ изъ «парфюмеріи», телеграфистъ, банковскій чиновникъ или гимназистъ.

Онъ сидитъ рядомъ съ ней, пожимаетъ подъ столомъ ея ножку. Тихо шепчутъ уста его нѣжныя слова.

— Кажется, «сигналь», — тревожно шепчетъ барышня: — Надо «соединить».

— Подождеть! — сердито говоритъ гимназистъ, телеграфистъ или банковскій чиновникъ: — Абонентъ — не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ.

— И то правда! Чортъ его не возьметъ, если подождеть...

— Успѣетъ наговориться потомъ...

Толстыя подошвы гимназиста бережно наступаютъ на лакированный носокъ маленькой туфельки.

— Поѣдемъ сегодня на острова?

— Поѣдемъ, поѣдемъ. Земля одѣлась травой... Деревья такъ нѣжно шумятъ свѣжими листьями. Вѣтерокъ ласково... Опять «сигналь»... Надо «соединить»...

— Къ чорту! Подождеть...

Я жду... Плотно прижата къ уху телефонная трубка. Указательный палецъ прилипъ къ кнопкѣ на группу А. Въ душѣ тоска.

— Барышня! Барышня! Барышня!

Съ тоскою во взорѣ я стою у кнопки Б. Судорожно нажимаю ее, и жду, жду, жду...

— Станція!

Господи! Я услышалъ голосъ изъ того міра... Голосъ оттуда... Голосъ съ телефонной станціи...

Прерывающимся отъ волненія голосомъ я кричу

— Барышня! Дайте, пожалуйста пятьсотъ...

— За-а-анято!

— Но, барышня, я еще не успѣлъ сказать вамъ, какой номеръ телефона мнѣ нуженъ...

Тишина. Молчитъ телефонная трубка. Слышно, какъ вѣтеръ шумитъ за окномъ. Слышно, какъ бьется муха на стеклѣ.

Я снова нажимаю кнопку Б.

Я кричу отъ боли. Я рву на себѣ волосы. Я проклиная судьбу свою.

Шутка ли? На одинъ мигъ мнѣ улыбнулось счастье. На одинъ мигъ мнѣ повезло — съ телефонной станціи мнѣ отвѣтили и... безъ результата.

Я звоню, звоню, но нѣтъ отвѣта. Все тихо
Не для меня встаетъ заря... Не для меня улыбка мая...
Не для меня телефонная барышня...

Тихо въ комнатѣ. Я одинъ. Я отдыхаю.

Въ рукахъ у меня свѣженькая книжка журнала. Противъ ожиданія попалась интересная повѣсть.

Съ удовольствіемъ перелистываю страницы. Хорошая повѣсть, вѣдь, такое рѣдкое въ наше время удовольствіе!..

Звонокъ. Рѣзко, нагло трещитъ телефонъ. Властно зоветъ.

Я подхожу къ телефону:

— Слушаю. Что угодно?

— Позовите къ телефону изъ пятого номера Пелагею Ивановну.

— Что угодно? Какую Пелагею Ивановну? Никакого пятого номера у меня нѣтъ.

— Какой номеръ вашего телефона?

Я называю номеръ.

— Ахъ, извините. Барышня перепутала...

Я снова принимаюсь за книжку. Молодецъ авторъ! Какъ чудесно онъ знаетъ среду, которую описываетъ! Какое пониманіе жизни!

Удивительно, что въ наше время въ нынѣшнемъ журналѣ такая прелесть.

Трррр!

Бѣгу къ телефону. Сиплый голосъ кричитъ изъ телефонной трубки:

— Здравствуй, Миша! Ты чего, этаккой, сякой, въ клубъ носа не показываешь?

— Вы ошиблись.

— Ошибся!.. Ишь ты, ошибся... Да я тебя, Мишенька...

— Оставьте меня въ покоѣ. Я не Миша..

— Вашъ номеръ... Ахъ, извините. Барышня перепутала...

Снова берусь за книжку. Вотъ послѣдняя страница. Сейчасъ конецъ.

Трррр...

— Кто говоритъ?

— Вы что же это, господинъ хороший, обѣщали пиджакъ прислать къ четвергу... Что? Не тотъ номеръ. Вѣчно барышня перепутаетъ... Извините...

Небо! Ты знаешь, что я противникъ смертной казни, противникъ тѣлесныхъ наказаній и т. д.

Но я человѣкъ... Я слабъ... Я чувствую, что подъ вліяніемъ «телефоннаго раздраженія» я готовъ измѣнить... Поддержи меня, о небо!...

О. Л. Д'Орь.

Слѣдующій 31-й номеръ
„Новаго Сатирикона“

Спеціальныи
„КУРОРТНЫИ“.

Рис. В. Лебедева.

ПОЛНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ.

— А домъ-то у васъ деревянный. Еще сгоритъ, пожалуй...

— Какъ же это онъ такъ сгоритъ, когда сейчасъ пачка спичекъ шесть гривенъ стоитъ?!..

ПОЗДНЕЕ РАСКАЯНИЕ.

(Трогательный случай.)

Въ городѣ Конотопѣ былъ пойманъ популярный въ губерніи разбойникъ Щупакъ. Популярность свою Щупакъ создалъ неустанной работой, громаднымъ количествомъ затрачиваемой энергіи и постоянной самокритикой,—создавалъ медленно, но вѣрно. Сначала онъ кралъ лошадей, потомъ рѣзко перешелъ къ подкарауливанію одинокихъ пѣшеходовъ въ лѣсу, потомъ сдѣлалъ рѣзкій скачокъ, всего на двѣ недѣли занявшись кражами съ поджогомъ, и остановился на мелкихъ убійствахъ проѣзжихъ пассажировъ.

О Щупакѣ ходили цѣлыя легенды, и матери пугали имъ дѣтей, не обращая вниманія на возрастъ ребенка.

— Вотъ, погоди, женишься на Машкѣ, Щупакъ придетъ да всю твою семью и вырѣжетъ.

Областные корреспонденты посылали специальныя статьи, по три копейки за строчку, о похожденияхъ Щупака, приписывая ему все, что могла сохранить ихъ уѣздная память изъ прочтенныхъ когда-то переводныхъ романовъ. Дѣло доходило до того, что когда мѣстная городская управа отказалась выдать ассигновку на конку, конотопцы рѣшили:

— Щупака испугались.

Почему Щупакъ долженъ былъ мстить за введеніе конной желѣзной дороги, никто не зналъ, но таково было обаяніе этого человѣка.

* * *

Поэтому когда его поймали и посадили въ тюрьму, мимо ея оконъ все время ходила толпа и гудѣла о скорѣйшей расправѣ.

— У насъ всегда такъ, — кисло отозвался редакторъ мѣстной газеты, имѣющій всѣ новѣйшія оборудованія, кромѣ тиража, — сначала человѣка повѣсятъ, а потомъ уже сотруднички интервьюировать побѣгутъ. Хоть бы добрался кто до него...

Одинъ изъ сотрудниковъ рѣшительно отказался идти подъ предлогомъ, что Щупакъ запомнитъ его лицо и въ свободное время вырѣжетъ. Другой согласился, и ему было разрѣшено сдѣлать интервью.

Щупакъ сидѣлъ въ камерѣ и тяготился безработицей. Выцарапалъ ногтемъ на сѣрой стѣнѣ нѣсколько неприличныхъ словъ, попробовалъ руками крѣпость рѣшетки, съѣлъ большой кусокъ хлѣба и рѣшилъ, что всѣ очередныя дѣла кончены. Все остальное будетъ только повтореніемъ.

Это былъ мужчина громаднаго роста, съ длинными всклооченными волосами, сухими жилистыми руками и впалой грудью.

— Кажется, господинъ Щупакъ?

— А вы кто будете? Изъ сотрудниковъ? Ну что-же, всѣ свой хлѣбъ ѣдятъ, свою воду пьютъ. Садитесь. Гостемъ будете.

— Скажите, м-сье Щупакъ, — осторожно приступилъ репортеръ, — давно изволите заниматься этимъ самымъ?..

— Грабежомъ-то? Давно. Пожалуй, лѣтъ семь.

Онъ погнулъ пальцы, подумалъ передъ тѣмъ, какъ запнуть третій палецъ на лѣвой рукѣ, и убѣжденно подтвердилъ:

— Семь и есть. Насчетъ убійства мало баловался. Развѣ ужъ къ горлу подступить — ну и конецъ... Записывать изволите? Пиши, пиши, не боюсь...

— А что, скажите, многихъ вы того... кокнули?

— Я-то? Многихъ. Одно слово — многихъ. Ежели припомнить, такъ пальцевъ не хватить. Перво-наперво своего старосту изъ села убилъ, потомъ Калениху, торговку, уложилъ, затѣмъ, значитъ, чиновника одного почтоваго припечаталъ, потомъ...

У репортера тряслись руки. Блѣдный онъ сидѣлъ на тюремномъ стулѣ и записывалъ все въ блокнотъ. Передъ глазами у него прыгали и извивались будущія газетныя строчки, а изъ горла, какъ сухой паръ вырывается изъ паровозныхъ трубокъ, вылетало со свистомъ и шипомъ:

— Не можетъ быть... Неужели... Не можетъ быть...

* * *

Когда наступила пауза, Щупакъ вздохнулъ и сказалъ:

— Хорошо, пойдѣ, сейчасъ въ городѣ... Шляются, чай, кофе распиваютъ, мясо жрутъ...

— Ну, что вы, — внезапно обидѣлся репортеръ, — нѣшто газетъ не читаете. Самъ вчера еще писалъ. Гдѣ же теперь мясо?...

— Какъ гдѣ мясо? Изъ коровъ и мясо. Мясники-то, чай, не перемерли?

— Лучше бы. По два рубля за фунтъ деруть.

Щупакъ недовѣрчиво посмотрѣлъ на него и покачалъ головой.

— Рупь полфунта? Требуютъ?

— Требуютъ. Производство, говорятъ, вздорожало.

— Да что они коровы-то машинами дѣлаютъ, что ли?...

Гдѣ-же это видно, чтобы по два рубля за фунтъ?.. На чаю съ булкой, значитъ, сидѣть приходится?

— Тоже, на чаю... А сахаръ-то гдѣ? Въ лавкахъ. По сотнѣ пудовъ сплавляютъ, а какъ по фунту, не хотятъ отпустить.

— А ты не брешешь, парень? — еще недовѣрчивѣе спросилъ Щупакъ. — Грабежъ, вѣдь, это...

— Именно грабежъ. А извозчики не грабятъ? По цѣлковому за конецъ, это не грабежъ?

— Разбойники, — сочувственно произнесъ Щупакъ и чмокнулъ губами, — и управы на нихъ, значитъ, нѣтъ?...

— А ребята безъ молока не сидятъ? — хмуро спросилъ его репортеръ, — по полтиннику бутылочка-съ. Вотъ оно что...

— Ну и народъ... Прямо хотъ на большую дорогу пускай, — возмутился Щупакъ, — этакъ они и за сапоги двадцать цѣлковыхъ стянуть могутъ.

— Сорокъ.

— Среди бѣла дня? При всѣхъ?

— При всѣхъ. А лѣкарство гдѣ купить можете?

— Ну, знамо гдѣ — въ аптекѣ.

— А во фруктовой лавочкѣ не хочешь? Сынъ хозяйскій, видишь ли, безъ дѣла ходить, такъ онъ лѣкарства скупаютъ.

— Гдѣ же это съ хвораго человѣка лишку драть можно?

— Отдавай за хининъ трешницу, либо помирай.

Щупакъ немного подумалъ и сказалъ:

— А я, дуракъ, хворыхъ не трогалъ... Сумнѣвался.

— Вотъ безъ лѣкарства дѣти и мрутъ.

— Ребенки? Съ дитевъ наживаются? Младенцкую душу губятъ?

— Губятъ.

— Здорово... И ребятъ я не трогалъ. Невдомекъ мнѣ было этимъ дѣломъ заняться. Увидишь мальченку, съ отцомъ-то, свой разговоръ, а ему дашь подзатыльника да отпустишь...

— Это еще не все. Еще вотъ что дѣлаютъ...

* * *

Когда репортеръ ушелъ, Щупакъ долго ходилъ, злой и сосредоточенный, по камерѣ. Онъ что-то безсвязно шепталъ, а потомъ, вдругъ, выпрямился, ударилъ себя кулакомъ въ грудь — и по тюрьмѣ понеслись громкіе, негодующіе крики:

— Эхъ ты... Обалдуй... По деревнямъ шлялся... Подъ бревнами спалъ... Хлѣбъ уписывалъ... Работы для тебя въ городѣ не было?.. Устроиться не могъ? Эхъ, ты...

Потомъ Щупакъ остановился и подумалъ:

«Орясина ты длинная... Кровь у тебя тихая, ребятъ да хворыхъ не трогаешь, сердце доброе... Можетъ, еще въ гласныя выбрали бы...»

И уснулъ съ мыслью о почетномъ гражданствѣ.

Арк. Буховъ.

ГРУСТНАЯ СКАЗКА.

Сегодня въ сердцѣ такъ тихо...

Розовая дѣвочка, прижмись ко мнѣ,

Слушай сказку: — «Жиль грачъ и грачиха

Въ темномъ лѣсу, на старой соснѣ.

Грачъ вѣрилъ въ правду и совѣсть,

А грачиха была пустъ» —

Грустно любовную повѣсть

Пусть поютъ твои, крошка, уста... —

«И однажды грачиха, кокетка,

Измѣнила со скворцомъ грачу»,

Объ этомъ сегодня, дѣтка,

Я плакать совсѣмъ не хочу.

Смѣшное же въ сказкѣ то лишь:

Быль у грача носъ, какъ носъ,

А потомъ, если сказать позволишь,

На немъ новый носъ наростъ!..

Грачиха похожа немного

На портретъ — «Дѣвушка у плетня».

Грустно жъ мнѣ, что по волѣ страннаго бога,

Грачъ... похожъ на меня...

Сергѣй Михѣевъ.

— Ахъ, какъ не стыдно теперь одѣваться такъ роскошно... Это такъ не патриотично! — сказала красивая, но бѣдно одѣтая женщина.

— Нѣтъ, я сдѣлаю не такъ: я надѣну платье изъ простого сукна, сэкономлю на материи и на портнихѣ, надѣну сандалии изъ картона, возьму вмѣсто зонтика лопухъ...

— О, вы дѣйствительно прекрасны! Уловки портнихъ не прикрашиваютъ васъ! — воскликнулъ онъ, предлагая ей очень красивыя бумажки.

— Боже мой! Почему вы измѣнили вашему костюму?
— О, я была такой злой, такой злой! Я совсѣмъ забыла объ этихъ труженикахъ... О портнихахъ, ювелирахъ, парикмахерахъ, перчаточникахъ, башмачникахъ, парфюмерахъ... Теперь я начну новую жизнь!..
И закатаила платье въ 800 рублей...

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Фабрика ненависти.

Старая добрая немецкая надпись на товарах „Made in Germany“ очевидно, потерпела фиаско. Потребовалась другая, болѣе подходящая къ моменту.

Пока немцы съ новымъ девизомъ, говорящимъ о германскомъ происхожденіи, выпустили только:

Марки ненависти. Въ Берлинѣ выпущены въ продажу благотворительныя почтовые марки ненависти. На этихъ маркахъ имѣется надпись: „Боже, накажи Англию“ и аллегорическое изображеніе „германскаго бога“ въ латахъ, съ мечомъ въ рукѣ.

Когда кончится война, германцы, по нашему мнѣнію, должны выпускать все съ такимъ же фабричнымъ девизомъ. Столовые ножи „Да погибнетъ Сербія“, туалетные приборы „Бей русскихъ“, гнутую мебель „Дожимай Францію“. Это будетъ прекрасной пропагандой не менѣе прекраснаго взгляда, что немецкіе товары могутъ прогуливаться по родной территории, не заглядывая къ сосѣдямъ.

Неизвѣстныя безъ данныхъ.

Трудно рѣшить задачу не только съ тремя неизвѣстными, но даже съ однимъ, когда нѣтъ данныхъ, а отвѣтъ требуется срочно.

Въ Австріи, несмотря на войну, все же приступлено къ этому явно проигрышному дѣлу. Такъ

представители австрийскихъ лѣчебныхъ мѣстъ возбуждаютъ вопросъ, какъ быть съ курортами въ Австріи и могутъ ли они существовать безъ иностранцевъ.

Въ числѣ докладовъ помѣченъ докладъ представителя Карлсбада на тему: „Сколько лѣтъ пройдетъ послѣ войны, пока пріѣздъ иностранцевъ на австрийскіе курорты опять войдетъ въ прежнія нормы?“.

Можемъ помочь. Для полученія точнаго отвѣта нужно помножить общее количество хамствъ по отношенію къ иностранцамъ во время разрыва дипломатическихъ отношеній на сумму, полученную отъ сложенія общаго числа плюнувшихъ вообще на австрийскіе курорты и просто не желающихъ подвергаться безобразіямъ. Изъ произведенія надо вычестъ три вообще имѣющихся у австрийцевъ курорта и ни на что не дѣлать. Все равно отвѣтъ получится отрицательный.

Преимущества русскаго языка.

Отъ одной фирмы изъ Гефле получено нѣкоей петроградской фирмой слѣдующее предложеніе:

Гефле 30/6 1916.

Милостій Государь.

Сымъ имею честь Вамъ приглашать, Писче- и Копировальніе Чернило, изъ одной первой Класнію читательною Заводу „Акц. Общ. Филиппштатская Чернильная Заводъ“. Такъ что мнѣ удалось представителемъ назначеномъ фирмы быть, такъ мнѣ очень пріятно былъ бы, Ваше почтенію приказъ даждать, цена слѣдующія, Кр. 2.25 за будильку, въ содержаніе одну литеръ, платежи черезъ „Рембура“ Акц. Общ. Пордландсбанкенъ здѣсь.

Далѣ имею честь спросить Вамъ чтобы экспедиція черезъ „Акц. Общ. П. I. Гегерstrandъ“ здѣсь производится каторея фирма имѣетъ самую большую Трапзпортную движенію черезъ Гефле въ Россію, такъ и обратно, такъ я могу Вамъ только названію фирма рекомандировать.

Мнѣ пріятно былъ бы если Ваше почтеніе отвѣтъ въ французскомъ или англискомъ языкѣ могъ дожидать, такъ что я могли лучше и поскорее Вамъ отвѣчать.

Даждиаю Ваше почтенію прыказу!

Съ совершеннымъ почтеніемъ.

* * *

Не будемъ называть тотъ языкъ, на которомъ долженъ быть составленъ отвѣтъ на такое письмо.

Биографическія подробности.

Недавно въ одномъ изъ петроградскихъ кафэ былъ устроенъ обыскъ, для уловленія спекулянтовъ. Обыскъ далъ рядъ совершенно неожиданныхъ арестовъ, надъ которыми стоитъ призадуматься... Оказывается, что

въ сыскомъ отдѣленіи среди задержанныхъ въ трехъ спекулянтахъ опознали извѣстныхъ громилъ, неоднократно судившихся за взломы и по нѣсколько разъ отбывавшихъ тюремное наказаніе. На допросѣ они заявили, что уже годъ какъ бросили свое прежнее ремесло и теперь занимаются „работой на оборону“. По словамъ, задержанныхъ, спекулирующихъ на металлѣ, эта работа даетъ больше дивиденда, чѣмъ разгромъ какого-либо ювелирнаго магазина.

Это называется игрой въ свои сосѣди. Каждый играющій садится на то мѣсто, которое ему нравится. Обиднѣе всего то, что спекулянты изъ громилъ, въ концѣ концовъ, садятся въ тюрьму, хотя и не высказываютъ вслухъ, или въ интимныхъ бесѣдахъ о своихъ симпатіяхъ къ этому мѣсту, но спекулянты, сдѣлавшіеся настоящими громилами, остаются на своихъ мѣстахъ. Даже фанты въ 3000 рублей платятъ неохотно и очень рѣдко...

Рис. Миссъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Провинція.

Елисаветградъ — Н. Ф — ху. — Ф — хъ пишетъ: „Очень желалъ бы стать сотрудникомъ вашего доблестнаго журнала, то есть рисовать карикатуры... Прошу мнѣ отвѣтить, что для этого требуется“.

Нашъ доблестный журналъ ничего не хочетъ отъ васъ требовать, Ф — хъ. Отплатите намъ по-христіански тѣмъ же. Это будетъ хорошая мировая сдѣлка, отъ которой никто ничего не потеряетъ.

Владим. губ. Успенскій погостъ. Н. И — у. Очень извиняемся за задержку отвѣта, несмотря на вашу надпись, „что

письмо серьезное“ — и категорическое требованіе скорого отвѣта. Вы пишете: „Случайно увидѣвъ № вашего журнала мнѣ очень захотѣлось стать сотрудникомъ. Довожу по вашего свѣдѣнія: не могу ли быть принятымъ вашимъ сотрудникомъ“...

Редакція въ полномъ составѣ немедленно выѣзжаетъ къ вамъ навстрѣчу. Встрѣчайте.

Ст. Тундорская, Донской обл. — Пятибратовскъ. — Вамъ нужно серьезно заняться лирикой. У васъ это выходитъ очень красиво:

„Ужъ давно я къ вамъ въ газету
Собираюсь написать
Да не знаю, правда это
Где поставить букву „ѣ“.
Запятая восклицанья
Знакъ вопроса и тире
Словно школьники вне школы
Разбредились во дворе“.

Такой талантъ какъ у васъ нельзя зарывать въ землю.

Особенно, если близко колодець, и мѣстности угрожаетъ эпидемія.

Рославль. — Аристократу. — Аристократъ предлагаетъ къ напечатанію „Мои афоризмы“, среди которыхъ нѣкоторые не лишены извѣстной прелести: „Не подмажешь — не поѣдешь“, Не всякая собака кусаетъ, что громко лаетъ“ и т. д. Не вашъ-ли это афоризмъ, Аристократъ: Не въ свои сани — не садись, тише ѣдешь — дальше будешь? Забудемъ другъ друга, Аристократъ. Припишите для памяти еще одинъ афоризмъ: Украдешь — не обманешь — и оставьте насъ. Вы намъ рѣшительно не нравитесь.

Арк. Б.

Редакторъ А. Т. Аверченко.

Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели?
за завтракомъ, обѣдомъ и
ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные
кабинеты.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

НАПЕЧАТ. ВЪ ПРАВИТ. ВЪСТН. 1916 Г. № 226.

Фирма
ОСНОВАНА ВЪ 1903,
УДОСТОЕНА ВЪСШИХЪ НАГРАДЪ
НА ВЫСТАВКАХЪ
ВЪ ПАРИЖИ, ЛОНДОНѢ, БРЮССЕЛѢ,
ФЛОРЕНЦІИ И ПРОЧ.
Maison
Fondée en 1903
4 grands prix
Paris, Londres, Bruxelles, Florence

ВЫТЯЖКА ИЗЪ СЪМЕННОХЪ ЖЕЛЕЗЪ

ОРГАНОТЕРАПЕВТИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ **Д. КАЛЕНИЧЕНКО.**

ПРИМѢНЯЕТСЯ: при неврастеніи, истеріи, невралгіи, старческой дряхлости, подагрѣ, ревматизмѣ, малокровіи, артеріосклер., туберкулезѣ, диабетѣ, головныхъ боляхъ, безсонницѣ, половомъ безиліи, хроническомъ разстройствѣ питанія и сердечн. дѣятельн., общей слабости, послѣ тяжкихъ болѣзней: инфлуэнцы, сифилиса, послѣ родовъ, операций, кровопотерь и проч.

Гг. врачамъ, лазаретамъ и больницамъ съменная вытяжка лабораторіи Д. Калениченко для наблюденій высылается бесплатно. Обширная литература по требованію бесплатно. Одинъ флаконъ съменной вытяжки въ продажѣ стоитъ 3 рубля, пересылка—40 к., пересылка свыше одного флакона—бесплатно. 20%-ый почтовый сборъ за наложенный платежъ всегда за счетъ заказчика. * Адресъ: Органотерапевтич. лабораторія Д. КАЛЕНИЧЕНКО, Москва, Козловскій пер. соб. д. кв. 290. Телегр. адр.: Москва, Калефлюидъ.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ

Вытяжка изъ съменныхъ железъ изготовляется естественнымъ путемъ безъ огня и химическихъ реакцій и ничего общаго не имѣетъ съ химически изготовленными сперминами.

Вышла въ свѣтъ „ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ“.

обработанная сатириконцами:
Арк. Аверченко, Осипомъ Дымовымъ и Тэффи.

Съ иллюстраціями:
Ре-ми, А. Радакова,
А. Яковлева и А. Юнгера.

Цѣна 1 р. 50 коп.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ
„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX	10 шт.	отъ 40 к. — 1 р.
KNEBIVE	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
CLASSIC	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ	фунтъ	отъ 5 р. — 15 р.

ПАПИРОСЫ:

ЯКА	10 шт.	15 к. и 20 к.
	10 шт.	30 к. и 40 к.
„САФО“	10 шт.	15 к. и 20 к.
	10 шт.	30 к. и 40 к.
„DARLING“	10 шт.	15 к. и 20 к.
	10 шт.	30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
М-во А. Ж. Богдановъ и Ко.

**ВСЕМІРНО ИЗВѢСТНЫМЪ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА**

ЕДИНСТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА. БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ, ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ И ДР. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

Calmin

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ.

новая книга:

„Теплая Компанія“

Съ кѣмъ мы воюемъ.

Текстъ: — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д’Ора и Тэффи.

Цѣна 1 р. 25 к.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу пятый томъ пьесъ

Аркадія Аверченко.

„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.

Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

Отъ издательства.
Вышло въ свѣтъ 4-е изданіе книги
„Сатириконцы въ Европѣ“.
Изданіе обильно иллюстрировано.

Ал. Вознесенскій.
Путь Агасѣера.
Книга стиховъ съ предисловіемъ Леонида Андреева.
Изданіе второе. Цѣна 1 р. 25.
Изд. „ШИПОВНИКЪ“, Петроградъ, Николаевская, 31.

ПАПИРОСЫ

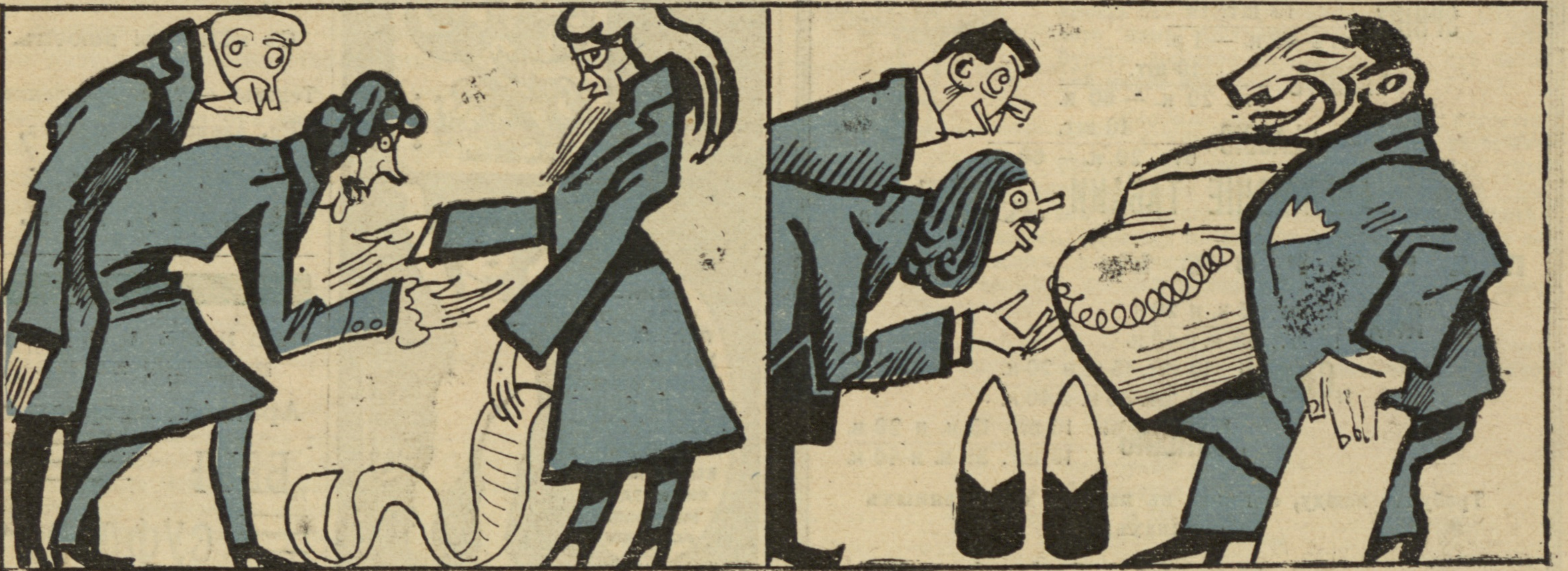
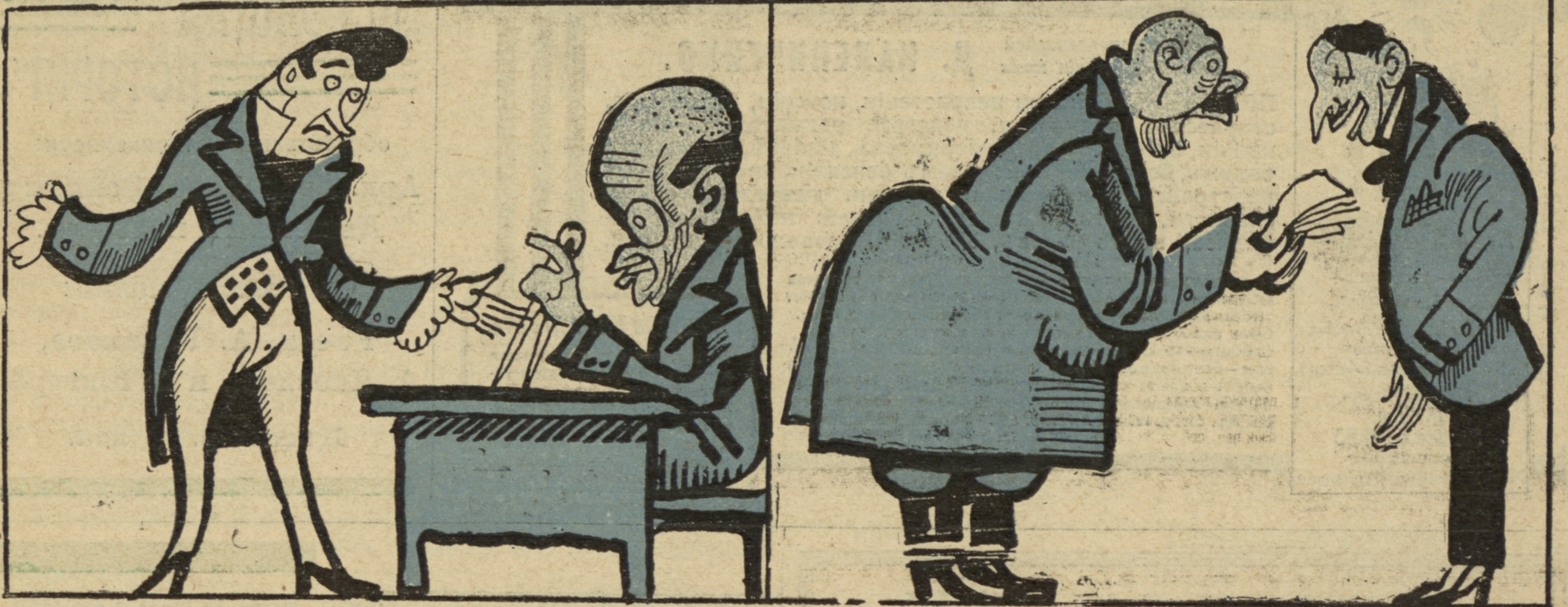
PROB

Перемѣна адреса.

Контора журн. „Новаго Сатирикона“ взымаетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и проситъ прилагать старыи адресъ.

НОВЫЯ ВРЕМЕНА — НОВЫЯ ПЪСНИ.

Рис. А. Радакова.

Раньше, когда хотѣли основать газету, шли къ извѣстному писателю.

Теперь — къ банкиру.

Раньше, начинающій актеръ шелъ къ извѣстному артисту, чтобы спросить его совѣта.

Теперь — къ полуграмотному рецензенту роспивочной газеты...